

Голос Цюй Юйшаня после выпивки был хриплым, и когда он заговорил, в его словах чувствовалась скрытая ярость, но, увидев, как Сибадзаки держит длинный меч самурая, он невольно сжал руку, лежавшую на колене.

Это был инстинктивный страх.

Это тонкое движение не ускользнуло от внимания Сибадзаки. Тот пинок, который Цюй Юйшань дал ему прошлой ночью, выбил из сердца Сибадзаки всю жалость и очарование.

При первой встрече Цюй Юйшань осмелился опоздать, пролил на себя кофе и даже грязно вытер пальцы скатертью. Во время второй встречи он подглядывал за Сибадзаки и, зная, что тот находится в соседнем горячем источнике, дерзко уселся к мужчине на колени.

Методы соблазнения мужчины были крайне неумелыми, но Сибадзаки вынужден был признать: хотя они и неумелые, но эффективные.

Однако он не ожидал, что Цюй Юйшань посмеет столкнуть его с кровати, а та канарейка, которую он вырастил, тоже оказалась весьма смелой — пошла и нажала пожарную тревогу, доставив ему немало хлопот.

И хозяин, и канарейка — оба непослушные. Сибадзаки разозлился и решил как следует проучить Цюй Юйшаня.

Цюй Юйшань заметил, что взгляд Сибадзаки становится всё мрачнее, и его рука снова дрогнула, но он не мог показать страх. Напротив, ему нужно было, как описано в романе, спровоцировать противника, уставиться на него злобным взглядом, подобно волку.

Затем ему нужно было броситься вперёд, чтобы вырвать меч самурая из рук Сибадзаки. Естественно, он потерпел неудачу, и противник, развернувшись, прижал его к дивану.

— Негодяй! Сибадзаки, ты собака! Ты у меня дождёшься, я обязательно... — Цюй Юйшань краем глаза увидел, как заносится меч самурая, и заранее крепко зажмурился, но боль так и не наступила.

Удивлённый Цюй Юйшань украдкой приоткрыл глаза и встретился с мрачным взглядом Сибадзаки.

Сибадзаки, согнувшись, смотрел на Цюй Юйшаня и, увидев, что тот открыл глаза, лишь легко провёл рукоятью меча по спине Цюй Юйшаня. — Боишься?

— Какого чёрта бояться? Я... я совсем не боюсь, — обнаружил, что запнулся, Цюй Юйшань и с досадой нахмурился.

Уголки губ Сибадзаки слегка приподнялись. Он видел, что за внешней грубостью Цюй Юйшаня скрывается страх, а Цюй Юйшань, в свою очередь, видел насмешку в его глазах. Будучи официально признанным вторым мужским персонажем, быть осмеянным каким-то пушечным мясом с неизвестным номером в списке — это слишком унижительно. Цюй Юйшань хотел восстановить своё достоинство.

Даже если в этой сцене его избивал один Сибадзаки, он ни за что не даст тому легко отделаться.

И тогда Цюй Юйшань, подражая ламе, лёгонько плюнул в сторону Сибадзаки.

Хотя слюна на самом деле не попала на него, такое поведение Цюй Юйшаня сильно задело Сибадзаки, страдавшего манией чистоты. Его взгляд стал невероятно свирепым, он оскалил белые зубы, словно собирался живьём съесть мясо Цюй Юйшаня. — Гряз... грязно.

Он говорил по-китайски не очень уверенно, и поскольку произносил слова по слогам, это звучало ещё опаснее. Цюй Юйшань тут же забыл о восстановлении достоинства, резко дёрнулся, пытаясь вырваться из захвата Сибадзаки, и попытался убежать. Но он не успел сделать и двух шагов, как снова был прижат к дивану.

На этот раз он упал на диван лицом вверх, и следом на него сверху опустился Сибадзаки.

Сибадзаки отложил меч самурая на рядом стоящий журнальный столик, придавил ноги Цюй Юйшаня коленями, упёрся локтем одной руки в его грудь, а ладонью сильно сжал подбородок Цюй Юйшаня.

Обе руки Цюй Юйшаня были зажаты за спиной, от плеч до кистей всё немело и болело. Сибадзаки имел чёрный пояс по карате и отлично знал, как обездвигнуть человека.

Изначально Сибадзаки собирался как следует проучить этого непослушного малыша мечом самурая, но не ожидал, что тот посмеет плюнуть на него.

Что ж, раз рот непослушный, значит, сначала нужно проучить именно рот.

Он грубо разжал губы Цюй Юйшаня и засунул внутрь свои пальцы в перчатке. Пальцы скользнули по одним за другим мелким белым зубам, а затем зажали мягкий язык. Указательный и большой пальцы с силой потянули наружу, будто намереваясь вытащить язык Цюй Юйшаня наружу.

Цюй Юйшань не мог сомкнуть челюсти, подбородок болел, щёки тоже сдавливались, а теперь ещё и язык яростно тянули. Мало того, что тянули, так ещё и пальцем давили на корень языка. Физическая тошнота заставила его невольно покраснеть. Но самое неприятное было не это. Из-за того, что он долго не мог закрыть рот, он не мог контролировать слюноотделение.

Влажная, липкая слюна стекала наружу.

Перчатка Сибадзаки тоже вся была в его слюне.

Сибадзаки тоже видел, как Цюй Юйшань наполнился слюной. Он пристально смотрел на это, и в голове у него осталась только одна мысль.

Как грязно.

Эта грязная штука.

Этот человек всегда выставляет себя грязным.

Грязную вещь нужно вымыть.

Да, вымыть.

Внезапно Цюй Юйшань почувствовал, что пальцы во рту исчезли, а рука, сжимавшая подбородок, ослабла. Он поспешно сомкнул губы и хотел стереть слюну с подбородка, но его руки всё ещё были прижаты за спиной, и вытащить их не получалось.

Как раз когда он изо всех сил пытался высвободить руки, холодная ладонь коснулась его подбородка.

Сибадзаки, неизвестно когда, снял перчатку и смотрел на него крайне странным взглядом.

Взгляд, полный нежности, терпимости и даже скрытого возбуждения, заставил Цюй Юйшаня похолодеть от ужаса. Он даже забыл о сопротивлении, позволив Сибадзаки вытереть ему слюну носовым платком.

Сибадзаки вытер и бросил платок на пол, затем наклонился, приблизив своё лицо к лицу Цюй Юйшаня.

Холодные пальцы, словно змеи, поползли по только что вытертому подбородку Цюй Юйшаня.

— Всё... ещё не... чисто, — голос Сибадзаки, неизвестно когда, стал хриплым, и он пристально смотрел на Цюй Юйшаня.

Кожа под подушечками пальцев была гладкой и нежной, от нескольких сильных движений она покраснела.

Взгляд Сибадзаки становился всё мрачнее. Даже такой бесчувственный, как Цюй Юйшань, почувствовал, что взгляд Сибадзаки стал каким-то неправильным. Он вздрогнул и уже собирался украдкой пнуть противника, как вдруг раздался звонок мобильного телефона.

Услышав звонок, Сибадзаки резко остановился. Он убрал руку с подбородка Цюй Юйшаня и другой рукой, всё ещё в перчатке, достал из кармана телефон.

Цюй Юйшань не понимал японский и не знал, о чём говорилось на том конце провода, но ему показалось, что Сибадзаки постепенно успокаивается. Помолчав некоторое время, Сибадзаки перевёл взгляд на настороженного Цюй Юйшаня и медленно поднялся.

Он произнёс что-то по-японски в трубку.

Сибадзаки ушёл. Перед уходом он ещё раз оглянулся на Цюй Юйшаня.

— Мы... ещё встретимся, грязная... тварь, — Сибадзаки показал зловещую улыбку.

*

Цюй Юйшаня снова заперли в прежней комнате, где всё ещё находился Цуй Нин. Увидев, что Цюй Юйшань вернулся, Цуй Нин встал. Он собирался спросить, куда тот ходил, но в следующий момент его взгляд резко потемнел.

Одежда Цюй Юйшаня была в беспорядке, глаза покраснели, будто он плакал, но больше всего Цуй Нина привлекли его губы.

Губы были слегка приоткрыты, будто не могли сомкнуться, а кожа на подбородке была красной.

Цюй Юйшань не заметил странности в поведении Цуй Нина. Он просто сел на свободное место, его мысли были заняты Сибадзаки. Он не понимал, почему Сибадзаки ушёл, не избив его мечом самурая. Раз Сибадзаки ушёл, значит, сцена избиения пройдена или нет?

Если не пройдена, значит, Сибадзаки вернётся, чтобы снова его избить? При этой мысли Цюй

Юйшаню снова стало больно во рту. Он невольно пошевелил губами и мягко помассировал их ладонью.

Этот бешеный пёс Сибадзаки, он ещё и язык ему вытягивал, и говорил, что они ещё встретятся. Встретимся, как же! Лучше никогда больше не встречаться. Если действительно встретимся, я разнесу его собачью голову.

— Господин Цюй, — внезапно раздавшийся чистый юношеский голос прервал внутреннюю брань Цюй Юйшаня.

Цуй Нин, неизвестно когда, подошёл и присел перед Цюй Юйшанем. Он пристально смотрел на его губы. — Твой рот...

Он не договорил, а Цюй Юйшань, чувствуя себя униженным, совсем не хотел обсуждать эту тему, поэтому промямлил:

— Ничего.

При этом он опустил голову.

Будучи вторым мужским персонажем, быть униженным пушечным мясом с более низким рейтингом — действительно стыдно, особенно если об этом узнает Цуй Нин.

Он не мог говорить.

— Но, господин Цюй, твой рот, кажется... — Цуй Нин нахмурился. Цюй Юйшань, видя его реакцию, подумал: неужели у него во рту кровь? Поспешно вытер рукой, но на руке не было следов крови.

— Не здесь, — снова сказал Цуй Нин, брови сжались ещё сильнее, и он приблизился к Цюй Юйшаню.

Цюй Юйшань, боясь, что у него идёт кровь или есть рана, о которой он не знает, не отстранился. Более того, когда палец Цуй Нина коснулся его, он даже покорно разжал губы.

— Кровь? — нервно спросил Цюй Юйшань.

Рука Цуй Нина отличалась от руки Сибадзаки. Даже находясь в железной клетке без отопления, она оставалась тёплой. Его пальцы были красивыми, длинными и белыми, но из-за тяжёлой работы на подушечках и ладонях были мозоли.

Мозоли были твёрдыми, совершенно не похожими на кожу под ними.

Губы были мягкими, необычайно мягкими.

<http://bllate.org/book/15596/1390415>